

Информант: Волокитина Валентина Константиновна, 1924 г.р.,

Интервью записано: АР Крым, ПГТ Раздольное, 9.08.2006

Собиратели: А.Страхова, Т.Величко

Расшифровка: А.Страхова

(В скобках – вопросы собирателей).

(Какого Вы года рождения?) 24го. (24го года. Это в войну Вам было уже...) Считайте. (В 24м 17-20 лет, да?) Да. Ну, война же шла не один день, ни один год. (Ну, да, к началу войны). Да, война началась. С самого начала и до конца помню войну. Так, что вас интересует? (Ну, Вы вот... Ваши родители отсюда или Вы когда, с какого времени Вы?...) Конечно. Мои родители крымские, сама крымская. Воронцовка, вот знаете? Это в районе. (Проезжали. Воронцовка?) Да. Там Ишунь рядом и Красноперекоп. Это моя родина – Воронцовка. Я родилась в Воронцовке, уся моя семья родилась, и мать там родилась, и выросла, и братья, и сестры. Воевали, братья погибли на фронте два, и не вернулись. Отец тоже воевал. Ну, а мы шо ж, у войну работали, работы хватало, давали.

1:00

Вот когда война началась, мы давали Родине зерно, работали. Косили вручную, копали лопатами, на коровах пахали. Война, всех забрали, были мы этого же региона, Раздольненского. Уже за регионом, за Раздольным, там была немецкая деревня, Тельман называлась. Там жили немцы, мы жили с немцами. Немцы старые. Жили дружно очень с немцами. Колхоз, работа. Ну, я тогда училась в школе, ходила в Раздольное сюда в школу, на лисапед, здесь оставалась. Тут школа была. (Школа в Раздольном была?) В Раздольном была. Там деревня, какая школа? На четыре класса там только, в деревне. А я уже в шестой класс ходила, в седьмой. Щас новая школа построена, вот школа хорошая, новая школа, второй этаж. Я такая рада была, на втором этаже бегала, прыгала. И эту школу наши отступали, взорвали.

2:00

А сказали, немцы. А я же знаю. Зачем же они так говорят? Это ж неправда! Теперь еще. Вот здесь у нас заготзерно, Портовое. Вы знаете, где море. (Портовое?) Да, Портовое, да. Заготзерно там было. (Как? Заготзерно?) Портовое, заготзерно там было. Там возили все зерно со всего региона, амбары там были большие такие. И вот все, что с региона, возили туда зерно государству. А потом проходил корабль, лагуна такая большая, там был мостик, и это зерно грузили на лагуну. Лагуна – это лодка большая, потому шо я тогда еще девочкой была, отец работал мой грузчиком, возил зерно, то корабль сильно далеко стоял, нельзя было близко, он сядет на дно, тяжелый. И это такая лодка, подъезжала сюда к берегу, и мостик такой, и это зерно грузили на ту лодку.

3:00

И тогда туда ж отправляли на корабль, потому шо нельзя было, корабль сядет на дно, далеко. То мы еще каталися, попросили. Отец мой грузчиком был, говорит: «Возьмите девочек на корабль». Вот то проехали, зерна полные мешки. Вот она лодка такая большая-большая, подъехали к кораблю, и они, значит, такими крючки, майка, набирают, это, мешки и на корабль. А нам лестницу опустили, мы на лестницу вылезли, и нам кругом показали все, корабль. Мы походили, но это я еще девочкой была. Вот она, а когда, значит, это же зерно, это ж СССР была, брали зерно с этих амбаров. Теперь, когда началась война, и наши это зерно подпалили, сараи эти, с зерном амбары спалили. Сказали, немцы. Все ж это знают! Чего ж немцы, если они сами спалили? Не знаю, правда, это говорить – не говорить, не знаю. (Говорите, как Вы... правду).

4:00

Попадет мне. (Да, ну, что Вы? А за что? А зачем они спалили это зерно?) Чтоб немцу не досталось. Война, вот, мол, немцы придуть, шоб немцам не досталось. Школу взорвали, тоже чтоб немцу не досталась, зерно, этот, подпалили сараи, сгорело. А когда уже немец пришел, повоевал, вот она, с Перекопа сюда пришли немцы, все это уже горело. Если б видели! День и

ночь горело! Как зерно горит – как уголь. Так оно горит. И тогда, значит, немцы приехали, говорят: «Знаете, что, - мы ж молодые были, все, - давайте спасать, что там осталось зерно, там это». Все попадали вот эти, дручки погорели, шифер, остались одни стены, а зерно горит, точно вам скажу, как уголь. Вот немец говорит: «Какой русский дурак!

5:00

Ну, отдали бы людям. Зачем они, - говорит, - это спалили? Сказали бы, что это людям, люди бы взяли, - говорит, - зачем?» Ну, точно уголь, так они горели. И мы то все горелое откидали в сторону, а хорошее, так уже спаленное, оставалось, шоб спасти хоч немножко. Вот тогда говорит: «Берите курам, берите». Можно жареное, оно пахнет так, но горело оно, наверное, месяца два горело. И мы это доски откидали, зерно хорошее, там, оно уже жареное, все равно в сторону. Не знаю, куда они дели это зерно, но мы работали. И домой разрешали – берите. Мы, у нас в колхозе жили, были бричка и лошадь, и мы ездили на бричке, на лошади. Вот она поедет туда, это мы целый день работали, откидали, вот, стволы эти горящие, зерно, а такое уже смоленное, там, отдельно. «Вот, берите домой, курам будет». Там в брички насыплем: «Возьмите, возьмите». Мы брали, курам давали. Вот это вот так. Вот это такое дело. Вот, шо я знаю, то рассказала.

6:00

Так, еще что? (А вот, вот Ваши родители до войны кем работали?) До войны? Ну, до войны мой отец работал предколхозом. (Председателем колхоза?) Да, председателем. А мать в колхозе на общих работах. Работал мой отец, вот, Чернышевка, знаете? (Да). Там председателем колхоза, потом работал председателем колхоза Николаевка. Вот есть Николаевка, это нашего Раздольненского региона деревня Николаевка, сейчас ее нету уже. Вот там тоже работал он председателем. Три года работал, потом попросился, и вот уже он работал после войны, он говорит: «Я...» У нас у Тельмане, вот если увидите Тельман, немецкая деревня, там был дом у нас хороший, купили домик в колхозе немецкий. Немцы, когда вот война была, немцев всех с

деревни эвакуировали, немцев, татар, всех, немцев. Пригнали подводы, сказали, берите только продукты.

7:00

Все осталось. Коровы ихние остались, вещи все остались, все пооставалось. Подогнали подводы с Раздольного и всех этих немцев загребают и везут. Так они, бедные, курей скубли, там поросенка резала, а то все осталось. Все. Вещи остались, хозяйство, коровы остались, все. Эти немцы бедные плакали, что они с собой возьмут, узелочки токо и все. Посадили их на подводы и увезли. Боже мой! Коровы ревуть, собаки воють, пусто в деревне, никого нету, страшно, одни мы, русские, остались. Там нас было – моя тетя жила, и там еще семьи, а то пустые дома, вещи те. Теперь, приезжает с Раздольного, вот, нужны молодые. Всю заставили вот эти вещи, которые немецкие пооставались... А, сразу забыла – коров, доите коров.

8:00

Доите идите все, доите коров. Коровы ревуть, ихни коровы пооставались, у такое время. То как сказали, давайте, мы тогда подоили коров соседних. Они тогда, молоко мы себе забрали. Заберите, мол, куда они. А коров, приехал этот верховоден и всех коров погнали, погнали на Раздольное, куда они их дели, не знаю, этих коров, но забрали. Вот, а вещи тогда наши вот это сдали, шоб оставались вещи, шоб все пооставалось немецкое. Приехал тут один, Шилин фамилия его. Вот она, военный, пояс этот, наган у него – начальник. «Вот это все вещи снесите в большой амбар, - сарая такой был, - свозите те вещи сюда немецкие». Это, и все мы это свозили, сносили туда, закрыли, шоб никто ничего не брал, не разрешали. Если там надо что, вот это нас свозили. А потом приезжали отсюда уже, с Раздольного, военные и забирали эти вещи, солдаты.

9:00

Куда они возили эти вещи, не знаю, но забирали. Теперь, як в татар. Татар же тоже повысылали. Выслали татар, пустые деревни, татар тоже, мы тогда, нас заставляли, говорят, шоб мы у татар это тоже там собирали, шо

оставили. Их же высылали, все пооставалось, все. Ну, и тут начальник сказал, никто ничего не берите, не имеете права. Значит, работайте, пооставались вещи там, пооставались, идите, снесите тоже в сарай большой. Особенно, что у них пооставалось, эээ, такие у них не матрасы были, а тюфяки с шерсти. Эти тюфяки, значит, все на машину и... то есть, на бричку, и в сарай большой, и вытрусювали мы, шоб шерсть. Все тюфяки были шерстью набиты. Вот она. И пшеницу нашли мы, зерно. Такое, этот, горлышко, а там дальше зерно. Татары зерно там оставили, мы туда, то зерно...

10:00

Куда они дели зерно? Но они не заставляли нас зерно, чтоб мы туда засыпать, а вот это все вещи, вот они, заставляли, шоб мы в сарай ото свозили. Тазы, большие такие тазы, такие медные тазы. Татары все медное такое, в сарай сносили, свозили. Даже не разрешал бутылка взять. А раньше тогда бутылков не было у нас, трудно было. Если надо – попросить. Ни веника, ничего не брали, строго – настрого, не имеете права ничего брать. Если вам надо, попросите, но домой идите ни с чем. Хотите, пожалуйста, дадим бутылек или там веник, или что. Вот она, я тогда, кругом же мы искали все, забирали, увозили то, а потом я открыла, там печка была татарская, я открыла туда, в печку смотрю, а там шуба. Спрятанная шуба, вот она, в печку, шоб моль не ела. Потом один пришел: «Ой, шуба, шуба, не надо отдавать, не надо, пусть она тут, я заберу, - говорит, - эту шубу».

11:00

Там мужик. «Да ладно, забирай, она мне не надо эта шуба, бери». Мы закрыли эту форточку, вот она. А потом еще смотрим, такой это в развале было, смотрим, шо такое? Мешок лежит, с чем он? Туда, два, открыли, а там два одеяла. Новые – новейшие два одеяла, ватные и с пододеяльниками, но мы так и оставили, брать-то нам нельзя с собой. Ну, де ладно, там моя знакомая говорит: «Ладно, пускай тут и лежать, - говорит, - и лежать эти одеяла». Вот она, с собой нельзя брать, может, кто возьмет, не знаем. Мы так посмотрели, ой, такие атласные, с пододеяльниками, хорошие. Забросили кто

туда, или татары кинули, я не знаю, кто. Так. Потом заставили нас еще что делать. Разбирать эти ихние хаты. У них такие землянки были все, вот она, все, крышу снимать.

12:00

Земля у них была и доска. Это мы вылазили наверх, снимали эту землю, скидали, и снимали эти доски. Снимали одни только стены. Зачем эти доски, не знаю. Одни только коробки оставались. Это мы работали каждый день, мы ездили вот сюда в Татарское, щас это Ботаническое, а тогда там татары жили. Вот сюда мы, в Ботаническое, там Тельман рядом, наша деревня, щас-то ее нету. И то нас заставляли работать, поснимали мы это, землю сбросили, доски сняли, одни только стены остались. Зачем эти доски были? Зачем, не знаю. Все разорили, токо стенки стоят, ничего там не оставалось. Ну, и что, на коровах пахали. Вот она. Я ж говорю, все забрали, вот она, никого нет, остались мы одни. Сегодня, не только камень, человек – хозяин на своей корове, то есть моя корова, я еду, я пахаю на ней. Чужую – она же мне не будет подчиняться, а сегодня моя очередь, я пайку спыхала, вот она, на другой день – другая, особенно коровы, мы пахали.

13:00

И лопатами копали огород, копали, тяжело было лопатами копать, надо же было жить, картошку сажали там немножко. Вот, что вам еще сказать? (А вот расскажите, до войны Вы сюда ходили в школу, в Раздольное?) В Раздольное, потому что до войны, конечно, этот регион. (А кто в этой школе учился? Дети из наших мест?) Учились со всего региона. (Со всего региона, да?) С нашего региона учились, потому что здесь было 10 классов. Вот. Так у деревне было четыре класса, а уже остальное, все здесь учились. Весь регион. Тут общежитие было, и мы тут учились. Я тоже в общежитии, зимой была в общежитии, потому что зимой не будешь... Летом-то, то есть весной и осенью на велисапед, вот она, а уже зима, то мы зимою, этот, в общежитии, конечно, вот она, пожалуйста, вот, а весна пришла, опять уходили мы. (А дети каких национальностей здесь учились?)

14:00

Это до войны? Всяких. (До войны, да?) И немцы, и евреи были, все – все – все, всякой нации. Да и русские были, всякие. Я помню, что одна жидовочка, Роза ее звали. Она спала возле стенки. Она ленивая такая была! Все она просыпала. То: «Роза, пора вставать!», а Роза спит. «Роза, вставай!» Девочка такая симпатичная, беленькая, она любила спать долго. «Подъем, Роза, подымайся!» Дружно жили в общежитии, все, ну когда уже... (Это в общежитии было?) В общежитии. Да, большое общежитие, вот она. В каждом окошечке была застеленная, чистенькая, все, полы мыли, убирали. Все у нас дружно. Я им еще сказки рассказывала. Они: «Расскажи сказки!» Я им рассказывала сказки. Вот они слушали. Ляжем, та ну, этот, упоительно. «Расскажи нам сказку». Ну, я им рассказываю, вот, сама выдумляла. Получилось у меня хорошо. «Ты выдумляешь сама?» Я говорю: «Да, сама сочиняю сказки». Они: «Ну, ты молодец!» Слушают они меня! Потом, мы на гитаре играли, я там научилась на гитаре играть, выучили девочки меня гитару, вот она, как вечер, там уже взрослые, старшеклассники, устраивали вечера, танцевали.

15:00

И что мы? Хор был. Учитель был этот, организовал хор, и вечером мы пели. Собирал, у кого голоса хорошие, подбирали, и мы пели. Вечером, хорошие голоса были, а преподавали немецкий язык, у нас немецкий язык был обязательно. Немецкий язык, знаю щас стихотворение, помню щас немецкое, могу рассказать... А немец-учитель был: «Почему у Вас такие хорошие акцент? Вы хорошо так знаете, Вы что, немка?» Я говорю: «Нет, я русская, я с немцами живу». Вот она, поэтому немецкий язык я знала. Очень и пригодился он мне. Вот уже мені было отлично по немецкому, отлично было, я ж стихотворение щас помню... «У дома сад – ун хауз оин картер, добывали енто» часто... играю...

16:00

Это я до сих пор помню это стихотворение. (Так у вас в классе были дети разные, и евреи были?) И евреи были, и русские были, и немцы были... Всякие. (А татарские дети?) Вот она, шо татары я не помню. (Не помните, да?) За татар я не помню. А ото, може, в других классах, но татар в нашем классе не было, не помню я татар. А рядом татарская деревня была. Рядом татарская вроде была, но в нашем общежитии татар не было. А вот это я помню, старшеклассники, уже взрослые там, вот она, с девочками уже встречались там десятиклассники – девятиклассники, да там и пацаны были. Вот она, ночью, я ж говорю, хор был. Включали вечером, и танцы были. Пойдем, посмотрим, шо там это, в общежитии когда были, вот она. (А девочки и мальчики отдельно учились или вместе в классе?) Вместе, все в одном классе, все вместе, девочки, мальчики, все в одном. Токо общежитие отдельно было, а так они... Рукомойник там был. Зайдешь там, рукомойник, специально рукомойник, вот она, такой большой рукомойник был, такой вот железный рукомойник со скопом.

17:00

Вот так раз, вода там налита, и там же работали, уборщицы убирали, воду наливали. Вот она, и там это умывались всегда, умывались каждый со своим полотенечком, а уборщицу уже воду ту уносили, убирали, да. Общие были рукомойнички, краник поднять, моется, пойдет, потом наливали, вода была там, а вообще учились, я ж говорю, и русские там, но у нас татар не было, я не знаю. (А вот евреечка только Розочка была или еще ребята в классе у Вас были евреи и немцы?) Евреи, немцы и русские, больше других не было. (Не, я имею ввиду, может быть, Вы кого-то помните, каких-то своих друзей, знакомых? Расскажите нам о них). Их же ж нету. Вот это немцы, мы же жили в немецкой деревне, и я с ней очень даже дружила, даже на одной койке мы спали сразу. Коек не было, и Дина... (Дина?) Да, Дина, Валинвейн Дина. Валинвейн Дина, но их же выслали.

18:00

Немцев-то выслали, я ж вам говорю. И я не знаю, где. А этот, немцев, выслали, да, а ее брат приезжал сюда. Был он у нас, вот она, Ирвин. Этот Ирвин, я когда после обед я была вторую смену, позанимались мы, местов мало было, и мы во вторую смену занимались, вот. То мы с этим Ирвином тоже на велосипедах после обеда. А мне было хорошо после обеда, пока ехать, я маме дома помогу, наварю, убираю, все, а уроки как-нибудь. Пока мама придет, она ж на работе, в колхозе, вот она, семья ж большая, у нас семь человек было. Вот мама на общих работах, вот она, а я убегу, поприбираю все, наварю и накрою, все. «А, ну, давай этот, Валя, поехали». А сосед мой был Ирвин. И вот это я с его сестрой дружили мы, спали на одной койке. Дина Валинвейн, вот она.

19:00

И что я хочу сказать, когда их выслали, то писала она, переписывалась со мною: «Валя, как наш дом, как там?» Ихний дом, ото квартира, вот она. Ну, я пишу. Ну, там уже, эээ, поприходили большинство людей с Раздольного и с Портового, заселили тогда уже эти квартиры ихние. Уже там полно было людей, большинство из... С Портового и с Раздольного люди поселили. Говорю: «В вашем доме живут квартиранты, вот она, заселили ваш дом». Теперь что, приезжает этот самый Ирвин, немец, вот который, я с ним вместе на велосипедах, ото поедем, как раз у нас физкультура, а у него не было урока физкультуры, то он меня ждал. С велосапетом едет, пацаном еще, вот она, велосапетом, крутит-крутит, у меня ж тоже велосапет, оставляла у знакомых велосапет свой, оставляла, там нельзя было, негде было, то я у знакомых. Мы тогда раньше на квартире у них жили в этом, у деревне, подождите, забыла, как эта деревня, ну ладно.

20:00

Это я их знаю, этих людей, и я оставляла у них велосапет, они сюда в Раздольное переехали. Вот там негде было поставить. То он меня там ждеть, ждеть, катается велосапетом, пока у нас физкультура закончится. На лисапет, и поехали. Теперь он приезжает, приезжает сюда этот Ирвин, немец, надо,

значит, ему пенсия матери, документы вот надо. Тогда он пошел к моей маме вперед, мама жила ж еще в Тельмане, живая мама тогда была покойная. Он пошел к маме, говорит, вот так и так. Мама ж там в деревне жила, так и осталась старым жителем. Эээ, а он говорит: «Ну, вот так, значит, подтвердите, что мама там работала». Моя и его мама работала вместе тоже в колхозе. Вот она. «Ну, а теперь, ну, а теперь давайте поедem, - говорит, - к Валентине». Поехала мама, этот: «Ну, давай!» Приехали, мама говорит:

21:00

«Ты узнаешь этого человека?» А он такой уже лысый, высокий, откуда ж я его знаю? Высокий, уже облысел, пожилой такой. Смотрю, мама приходит с каким-то мужчиной. Мама: «Ты узнала его?» Я говорю: «Да нет, я не узнала, не знаю, шо, я не знаю мужчину». Она говорит: «Это ж Ирвин! Валя, видишь, это Ирвин!» - «Да, - говорю, - но я никогда бы не узнала, вы что?» - «Ну, как ты?» - говорит. «Ну, как? У меня семья, - говорю, - муж, уже сын у меня, - говорю. - Ну, а ты как?» - «А ты гвардейски выглядишь», - он мне сказал. (Гвардейски?) Гвардейски. То я пацанка была, худая была, так ото я не гвардейски. Конечно, сейчас я похудела сильно, переживаю тоже, одна живу, трудно. «Ты гвардейски выглядела... выглядишь!» - «Ну, тогда, говорю, - ладно». - «Я буду у вас ночевать». Я говорю: «Пожалуйста, ночуй, вот она, муж щас с работы приедет», - говорю. Вот она, тоже взял бутылочку он ему ж, то покушали, переночевал он у нас. И он документы вот это маме приготовил, уехал. Потом второй раз он приезжал опять, этот Ирвин. Заболел у него внук. А что я скажу? «Как вы там живете? - я спросила. - Как вы там живете?» Он говорит: «Живем хорошо, у нас уже все есть.

22:00

Сразу плохо было нам, - говорит, - очень плохо все, вот она. А сейчас, - говорит, - у нас и квартира, но токо сильно жарко. Знаете, такая жара, мы, - говорит, - мочим простынь и цепляем на двери, сильно жара ужасная. А так у нас усё есть: и дом, и в доме уже все». (А где это они живут?) Вот, где жарко, я забыла, где они. Там, где сильная жара. Или в Узбекистане, вот это я

забыла. И он жил, я забыла, он говорил, где он жил. Приезжает он во второй раз, заболел у него внук. Приезжает сюда, привозит лечить внука. Вот, приехал в Раздольное, он приехал, а мы, этот, у нас машина Жигули была, уже мы тут жили, в этом доме, купили машину. Поехали торговать мы в этот, Черноморск, мы с мужем ездили торговать. Приехали на рынок, он подошел к нам, замок, зашел до сестры, сестра рядом моя меньшая, 28го года, Елена.

23:00

Тоже она вместе со мной работала, тоже так мы участники войны, документы нам дали, 50 % мы сейчас плотим. Вот она. Он говорить, ну, тогда говорить: «А где Валя?» - «А они въехали на рынок, нету». Он остановился у Лены. «Ну, они приедут, - говорит, - а потом я подойду с женой». Он приехал с женой, и ребенка привезли, оставили. Теперь, шо им сказали врачи. Говорят: «Не показуйтесь ребенку, потому шо он видит вас, кричит, вот она, нервничает и не хочет ничего подчиняться нам. Уезжайте, чтоб они... ребенок вас не видел». (Так это здесь они лечили ребенка, в Раздольном?) Да, в Евпатории. (Ааа, в Евпатории, понятно все, да-да). Да, в Евпатории. Они говорят: «Вы знаете, ребенок Вас видит, нам не подчиняется, - говорит, - кричит. Увидит, так бабушка, дедушка, - они говорят, – уезжайте!» То он тогда-то уехал сюда, в Раздольное. У него ж нет никого знакомого, он же, с одной мы деревни, учились вместе, и сестру он знает. Но сестра Лена ж-то меньшая была, а жена... (Ну, конечно. А вот подруг-евреек у Вас не было?)

24:00

Не было, с евреями я не контачила, нет. (Не было, да?) Я токо знаю этот, евреи были у нас у деревне. У нас был староста, это, Филинко, вот она, фамилия его, Михаил Филинко. Он был староста, но был хороший, он заступался, понимаете, за нас. Он помогал нам. Вот она. Теперь, к нему, значит, пришли евреи, девочка и мальчик, вот она, молодые, и вот он их принял. (Принял?) Принял, да. Он хороший был, он за... То дальше в газете о нем написали, да. Он их принял, этих евреев, невысокий такой еврейчик и девочка маленькая, небольшая такая, вот вашего росту, вот, беленькая такая.

Он их принял себе, он самый крайний жил, а он староста, староста был, но он за людей был, понимаете? Да. Он старостой, выбрали немцы, но он туда... (Немцы его выбрали, да?) Да, люди выбирают. Вот сказали, выберите себе старосту, кто? И мы выбрали, это, Филинко Михаил, его уже нет, он покойный, где-то умер он. Семья у него тоже, жена и двое детей.

25:00

Выбрали мы, мы его знали, этого человека, хороший. И вот то приблудились к нам двое, значит, девочка и мальчик, то он их взял себе, вот она, и они у него работали. Шо они делали, этот самый мальчик, он уже не мальчик, взрослый, возил воду на бочке, она там дома по хозяйству, там пряла, шила шо-то там, и он их отправил в Германию, евреев. (Это когда он их отправил?) В войну. (В войну?) Да-да, в войну отправил в Германию их, отправил в Германию, да. (Зачем?) Зачем в Германию отправил? Ну, вот им тут нельзя, потому шо у нас один был еврейчик, тоже вот так приблудный мальчик. Лучше зачем, щас поймете меня, зачем. (Да). Еврейчик тоже, значит, пришел. Тогда ж это евреев стреляли, усе стреляли семьи, расстреливали, эвакуировали, им нельзя было, евреи не знали, куда деться. То один, значит, мальчик, от, как его, забыла я, звать, еврейчик, приблудился к нам в деревню.

26:00

И, значит, что он делал... (Тельман, да?) Тельман, да. (Это все в Тельмане было?) В Тельмане, да, это Тельман. И он пас коров. Вот сегодня он пасет у нас, мы его покормили, у нас он ночует, переночевал – дальше. Так он по людях ходил, кормили, жалели его, ну, мы знали, шо он еврейчик. И шо вы думаете? Женщина тут раздольненская какая-то, она его узнала, она увидела, его она видела, она видела его. А у него документ был русский, он, этот, как он сумел, шо он узял документ этой женщины сына. Документ-то русский. И шо вы думаете? Его расстреляли! Вот этого мальчика. Где расстреляли, вот здесь. Вот как на Портовое едешь, вот тут кольцо, и вот они расстреляли, там и закопали этого еврейчика. Русская женщина выдала его!

Представляете? Вот почему нельзя было держать у деревнях, поэтому он в Германию отослал этих еврейчиков.

27:00

Теперь слушайте дальше. Эти еврейчики, кончилась война, все, шо вы думаете? Они прихвертаются обратно к нему, благодарять его, уже они поженились, и написали в газету о том Михаилу, что вот спасибо, он нас спас, написали в газете, мы были в Германии, нас... мы б погибли, а он нас спас. Вот такой у нас староста был, Михаил, вот она. У него это уже дедушка, бабушка был старый, потом сестра была, вот она, а Филинко, Михаил Филинко. И она специально в газету. Мы стали читать, шо он же жизнь спас им. Представляете? Вот поэтому он выслал в Германию. А если б мальчик уехал, он бы тоже... Это женщина взяла... Ну, зачем ты выдала? Ну, ладно, взял он документ, зачем? Его расстреляли как собачонку, здесь и закопали. (Так это где? Где его расстреляли, еще раз объясните). Тут, в Раздольном у нас. Вот кольцо, ехать на Портовое. Кольцо вот. Ну, кольцо...

28:00

Вы же понимаете, шо кольцо... (Это на въезде в Раздольное кольцо, где автостанция или с другой стороны?) Здесь, вот я вам показую, здесь, на Портовое когда ехать, там кольцо есть. Вы были у Портовом? (Нет еще). Ни разу? (Просто не были мы там). А, не были, да? Вот у нас щас за Раздольным, рядом вот, на окраине, асфальт идет, вот это асфальт идет, вот по центру идет асфальт. И там кончается Раздольное, там кольцо, кольцо. И влево, там влево, вот она, на углу там, его там расстреляли, и там похоронили. (И там похоронили? А кто его хоронил?) А, не знаю, кто. Кто-то закопал его там. Кто там похоронил? Кому надо? Там закопали его. Вот так. Вот поэтому он заслал их у Германию. Если б не отослал, они бы тоже тут. Люди, знаете, разные. Есть выдают люди, продають, а есть хорошие, есть защищают. И они то и в газету написали, вот он нас спас, спасибо, подарки привезли ему, вы что? Семья уже, и написали вот такое вот, вот так люди. А другие предатели

были, выдавали, все, другие молчали, а этот, видишь, спас. Людей спасали, евреев.

29:00

Вот это ж на евреев погоня была, тоже так их высылали. Евреев у меня знакомых не было. Вот это я только знаю, что вот это Роза, звали ее Роза, а его не знаю, только помню, что Роза. Это имя или ее, или она выдумала, не знаю я, потому что скрывались, документы другие были, я ж говорю, этого мальчика... (Это во время войны Роза, да?) Да, во время войны Роза, да. У них вообще, у евреев, у немцев Роза, Эделия, Дина, вот это такие имена у них, у немцев, и даже и евреев. (А как же удалось этому мальчику – еврейчику русские документы у этой женщины? Что случилось с сыном ее? Или как у него документы оказались русские?) Вот это я не знаю. Как он документы? Или он у них был да, наверное, стащил, вот она. Наверное, может, так получилось, что он стащил эти документы ее сына. Как уже, мы не спрашивали. (И эта женщина его выдала?) И эта женщина его взнала, да, и она выдала, вот она, у него документы-то русские, вот она.

30:00

Она говорит: «Он документы у моего сына утащил». И она заявила, и его немцы расстреляли. «Он еврей», - говорит. Вот так вот. Это ж нельзя! Зачем ты? Ну, стащил, ну ладно, черт с твоими документами, вот она. Эту женщину тоже я знаю, кто это, я ее не видела, а токо вот слыхала, в нашей деревне рассказывали. Ой, говорит, надо же, бедный погиб, говорит. Он такой хороший, мы его накормили, всегда переночует, коров пасет у людей. Опять сегодня накормили, завтра в другого очередь. По очереди каждый: сегодня у меня, завтра у других, в третьих, так. И так накормят его, хто ложил на кровать, а кто соломы настелит, на соломе он спал. Ему все равно, знаете, солома, лишь бы тепло было, на соломе. Зимой-то коров мы не пасли, а, этот, весна ж была, осень была, вот она. (Долго он так у вас прожил в деревне?) Да, наверное, с год. (С год, да?) С год, наверное, так он прожил, с год. И вот эта ж женщина его встретила, где они там встретились, где она его увидела,

не знаю. И она вот это все, продала его. Это же за документы, а как он узял, откуда, мы же его не спрашивали.

31:00

Он же не сказал, что у него документы. Мы-то знаем, что он не русский. (А вы знали все в деревне, да?) Мы знали. (Что он не русский?) Мы знали, мы знали. Это же видно сразу. (Видно, да?) Да. И акцент, и разговор, знали. Ну, зачем нам? Пускай живет человек, каждый хочет жить, зачем? И все, этот, знаете, жалели его, кормили хорошо, все. Идет пасть, они давали туда в степь ему кушать, торбы наложим, ну, кошель, раньше держали. И коровы свои были, и яички, и молоко. А, еще, значит, что было, такой момент, эээ. Когда, значить, держ... Этот, перед войной это. Приехали забирать коров солдаты у нас из Воронцовки. Воронцовка это ж моя родина, и мамины родственники переехали к нам жить, там нельзя, война сильно йшла, там бомбили каждый день, бомбять – бомбять, ну, куда они? Они приехали к маме, у нас дом большой.

32:00

Ну, живите тут, в нашем доме хватало места всем. Корова у каждого всегда. Так, щас расскажу. Да, четыре коровы, наша была пятая. Теперь, когда вже немцы-то приехали, приехали забирать коров, ага, смотрим, коров забирают, и с каждого двору выгоняют коров, немцы приехали. (Это немцы?) Да, немцы. Выгоняют коров, с каждых дворов выгоняют, а в нашем дворе четыре... пять коров было, вот это ж эвакуировали мамины родственники, сестры двоюродные там уже, нет, они одни, позабирали. Один дедушка только старенький там был, а то всех забрали. Я тогда вижу такое дело, что они забирают коров, я тогда быстренько корову раз, закрыла на двери, и у нас такая штанга, вот двери, а ну так на штангу, и на ключ закрывается. Я взяла, закрыла, думаю, хоч одна останется на всех корова, вот она. «Давай, давай! Где коровы, где коровы?»

33:00

Значит, и туда, выгоняют коров. А женщина рядом, соседка, она, видно, чокнутая, она сама с Перекопа, сюда приехала, туту она жила. Как только самолет летит, ууу, она кричит, орет, вроде дурочка. Гонят они, выгоняют четыре коровы, наша корова закрыта, я закрыла, и не зашли туда, вот она. Там базы, корова, я не показала, они сами, вот. База-то летняя, открытая, видно коровы. А тут у нас под навесой, так под навесом там коровы, там летняя кухонька было, там даже не похоже на... Отец сам строил это под навесой, дом мы купили, а вже постройку, под навес этот, кухня там была – сам. Гонят, забрали, они верхом, на лошадях. Выгоняют коров, гонят, а эта вышла женщина: «Там еще одна корова есть. Четыре, пять, еще одна корова есть». Я говорю: «Дура ты!» - «Давай корову!» Я говорю: «Не дам!» - «Давай корову!» Ну, что с ними делать? – Наган! «Забирай!» Забрали они, открыли, забрали, погнали.

34:00

«Там еще один! Четыре, а там пять», - показывает. Когда отогнали: «Во, - говорю. – Ты чего сюда приехала? Выдавать? Зачем? Я бы и тебе молока стакан дала, одна корова осталась». Слушайте, что дела вечером. Смотрю, собака гавкает, а раньше ж света-то не было, и чисто такая брезина, лампа такая с этой, с гильзы, вот она, и фитиль там, так приплюснуто, и то палили, такая лампа была. Ни керосину ж не было в войну, ни свечи, ничего. Я слышу, собачка гавкает, гавкает, я выхожу – корова наша убежала. От немцев убежала, вот слушайте, и за ней немец, за этой коровой гоняются. Я себе беру за рога, а он себе, здоровая была тогда, я себе, говорю: «Это моя корова». А он говорит: «Не, моя!» Я себе тяну: «Моя корова!» Не даю ему коровы, вот она. Я как, я здоровая, как вмету, так он только ногами блеснет. Большой такой. Он вот этот наган достает: «Хотишь жить?» Вот, что я знаю.

35:00

Ааа, ремень, на ремне наган, кобура, вытаскуе с кобуры: «Хотишь жить? Не трогай коровы». Все, забрал он ту корову, и тети моей корова вернулась. Тети так и осталась. А нашу забрали, забрал. Куда он дел ту корову, не знаем.

Так, дальше потом оказалась та корова, нашли, забрали. Слушайте дальше, эта история такая получилась. Оказывается, он забрал ту корову в Портовое, а она, эта корова, родилась, выросла, мы там, оттуда ее купили с Портового, это рядом где-то море, вот она. Там же все люди знают, как раз на родину она и пошла. Ну, мы же не знали, где она, забрал он. Шо ж, переживаем, жалко, вот она. А, этот, искали мы тут, може, они зарезали де, искали там по окопах, усе, где там шкурки, может, рога найдем. Знаем, взяли они, шо режут, забирают, а там в людей свиней забирали, ночью делали облаву они, такую облаву, вот что за облаву у нас, вот она.

36:00

А потом люди говорят: «Вы знаете что, ваша корова тут, немцы ее, этот, доют, немцы и словаки там, доют вашу корову. Ваша корова тут». Они же взнали нашу корову. А в нас староста другой был при... этот, после вот это Филинко, шо прятал, а перед этим другой, Митя был. Вот он тоже хороший староста, а шо делать? Они говорят: «Знаете что, напишите старосте, ээ, заявление, придите, скажите, что у вас дети, киндер». Киндер – дети, это по-ихнему киндер, киндер – дети, вот она. «Молоко надо. Чего они забрали вашу корову?» Ну, так и сделала. Написала записку, пошла туда к начальнику, показала, вот, у меня киндер, вот показали, сколько детей, и вот она, забрала мать корову. Забрала, привела корову, да, теперь корова наша дома. А то, шо они еще делали.

37:00

У нас был еще очень потифон хороший. Потифон отец купил, раньше ж тогда потифоны, больше музыки не было, и он за этот потифон отдал овцу и маленького ягненка, выменял, вот она. Этот потифон... ааа... там рама была с граммофона, играет на всю деревню. А тут как раз немцы, румыны ездят, облавы, забирают поросят, все вещи, все забирают. Грабят, ночью это дело было, вот она. И затем еще у знакомой родственник, он играл на потифонах и: «Мой потифон плохой, пойдти вот там потифон». Он показал на нас. «Вот там потифон, там хороший потифон». Ну, мы потифон в сундук и мы его не

показывали, а у сундуке он... Тоже вещи закапывали, потому что забирали это немцы, воровали, закапывали вещи, вот она. То это потифон, он стоял у сундуке, мы не показывали, играли тогда, война, не до этого было. Отец уже дома был тогда, все, нигде не работал, война, куда ж?

38:00

Эээ, они приходят пьяные-пьяные, румыны. И так, эээ, він тока телепается: «Давай потыфон!» Отец говорит: «Нет потыфона» - «Есть потыфон». – «Нету». – «Есть потыфон». А тут из потыфона стояла, этот, коробка, пластинки там. Сестра там лазила, машинка у нас стояла у сундуке, она лазила, это, достала, этот, пластинки, поставила и забыла поставить. А он – пластинки. И как ударит отца! А отец, бедный, пошатнулся. Еще раз так ударит, так ударит отца! «Что ты врешь!» Отлупил отца, вот она. Забирает этот потифон, а там машинка швейная, и машинку забрал. Забрал он, пошли. Вот так, вот такие соседи, взяли и выдали. Ну, надо? Ну, зачем вы выдаете? Вот, теперь что, еще одно дело было. Эээ, они в Портовом стояли, тоже чехословаки. (Чехословаки?) Да, чехословаки были, да. Они на квартире у нас.

39:00

Но чехословаки хорошие. Мы им стирали, все, хорошие люди. Это, на квартирах стояли. Тоже у меня, значит, была гитара. Хорошая гитара была, я выменяла за эту гитару, мама дала мне за эту гитару масло, и я это в общежитии жила, научилась играть. Я хорошо играла на гитаре. Ну, вот здесь, дурочка, повесила эту гитару, весит гитара в спальне. Зачем я ее повесила? Приходит чехословак: «Барышня!» - «А, да». Кругом они сразу раз-раз, шарят кругом, гитара. «Продай гитару!» Я говорю: «Я не продам гитару, она мне самой надо». – «Продай!» - «Не продам!» - «На вот тебе!» Достает часы из кармана, вот такая куча часов. Дамские, маленькие, какие хотишь. Вот такая куча. «Бери! Выбирай, какие хотишь! Дай гитару!» - «Не дам гитару!» - «А, не хочешь – не надо!» Раз, у карман, гитару забрал и пошел. А потом, когда они уезжали, через деревню ехали.

40:00

И он сидит, на гитаре: «Девушка!» И играет на моей гитаре. Думаю: «Будь ты проклят! – думаю. – Чтоб тебя пуля не минула!» Да, на гитаре! Гитара такая хорошая, мне так жалко! Я купила потом, но не такая. Бандура большая была, а эта ж звонкая, красивая такая, дамская была. «Барышня, до свиданья!» Говорю: «Чтоб тебя пуля не минула, паразит!» На повозке едет и ноги так опустил, и на моей гитаре играет, вот. (Откуда у него столько часов было женских?) Ну, нагабил, откуда? Грабили они, воровали, да. Вот такая куча: «Выбирай!» Я говорю: «Нет, зачем мне?» Я догадалась, что это, это же грабили. Кого-то нагабили, или с мертвого поснимал, черт знает, куда он дел, где он узял, он же не скажет, но они мне не надо. Зачем мне часы? Вот она, я говорю: «Не надо, нет, я гитару не продаю». Он мне говорит... а это... дороже было всего. Мы, было воскресенье, девушки ото соберемся, я им играю, они танцуют. Я-то и хочется танцевать, но все играю, пою им, все это. Это в воскресенье тока, а в такие дни мне это некогда было, работали.

41:00

То навоз возили там, тут лошади стояли, вот она, чистили то кукурузу. Это ж кукурузу ломали, а надо и шелудить, то шелудили. Вот так, некогда было нам разгуливаться, а так, по воскресеньям уже. И шо еще я скажу. Стояли словаки у нас, вот она, это в воскресенье дело было, эээ, и они стояли, самый крайний дом был, они там были на квартире у этой женщины. Когда летит самолет наш, самолет русский, а тут словаки, пролетает мимо нашей деревни. А мы как раз у воскресенье, я играла на гитаре в суседки, вот она, в Клавы я играла на гитаре в воскресенье. Я играю, сидим тут, на гитаре, когда самолет летит, вот она, а этот чехословак вышел: «Ой, рус, рус! Русский самолет, русский самолет!» И та-та-та-та-та из пулемета, и убивает этого словака.

42:00

Погиб он. И как они это стали строчить, а мальчик, этот, через стенку сидел мальчик, и женщины там. Вот так кругом пули, пули, пули, дырки,

дырки - мальчик живой остался. Представляете? Вот, де через стенку там жила семья, маленький мальчик сидел на лежанке, там тоже лежанка такая, и вот так кругом-кругом-кругом, вот она, а он остался жив, это мальчик. (Так это самолет стрелял?) Самолет. Самолет строчил, самолет. Русский самолет летел, а этот словак же ж вышел. Вот это ж тут немцы ж, словаки, это ж наши строчили. Они, они не хотели, может, убить, не знаю, но факт то, что они когда построчили, это словак этот упал, упал и умер. Живот это, живот. (Так Вы всю войну в Тельмане были или еще сюда ходили, в Ак-Шеих?) Всю войну. Ак-Шеих, вот это ж Ак-Шеих. (Да). Вот это ж Ак-Шеих. По старому называют Ак-Шеих, Ак через тире Шеих. (Ну, Вы здесь были во время войны, в Ак-Шеихе самом?) Эээ, приходили, приходили за маслом. У меня подружка была, то мы приходили мало, тут нам нечего было делать. Токо видели там, когда это уже война окончилась, это там повешали таких наши все русские, вот она.

43:00

Поцепляли их, подвесили под шею и так, шоб люди все видели, идут, они так на канатах болтаются, которые... (Кого повесили?) Людей! (Каких? А за что?) Предатели, наши русские-предатели, которые в войну предавали наших русских, и они их повесили, понимаете? Предателей. Люди ж-то знают, кто предатель, кого. А они остались. Когда наши русские пришли, они их повесили, чтоб все видели. И они ото болтаются, то я боялась, говорю, там... Но я видела, мы когда пришли, у меня тут подружка, я с ней вместе вчилась, на одной парте сидела, Женя Русская, вот она. И я к ней пришла у гости, а потом иду, смотрю – Боже мой! Тогда Ак-Шеих – одна деревня была, и заборы там были с камня, каменные заборы. И то дерево, и на дереве они их повесили, и это ж они, наверное, с неделю висели. А то ветер-то болтает, и они висять, ото предатели. Это я видела сама, как они. Вот так. (А вашего старосту, когда пришла красная армия, не тронули?) Конечно, нет. Он же людей защищал!

44:00

Они не тронули. (Не тронули?) Не, но вот же в газету написали, и тот хороший был, Митя его звать было. Щас фамилию вспомню. А это, Филю, так куда же? Она в газете написала, благодарила, приехали, они старосты были хорошие, они не выдавали людей. (И их потом, после войны не судили?) Не, не судили, ничего. Одного, одного, правда, один он... забрали, забрали на передовую. Одного, да, третьего. Три был там. Это ж война шла много лет. Потом перебирали, переизбирали, вот она. То его на передовую послали, да, это было. Он предал, шо он предал, шо он предал, староста, он, когда немцы пришли, он сказал: «Вот теперь только нам засветило солнце!» А люди-то накрутили, вспомнили все. «Вот, вот только нам засветило солнце!» Его за это солнце, он отсидел десять лет, вот так.

45:00

Семья, пришел, у него жена уже вышла замуж за другого, уже ребенка, вот она. Ну, он простил. Приняла она его в семью, приняла. Он говорит: «Я не виноват, - он говорит. – Спасибо, шо ты сберегла других детей». Пять душ детей еще осталось в него. «Спасибо, что ты их сберегла. Я ж, - мол, - один не жил». А вернулся в семью, и она приняла его. Да, жили так уже, другого ребенка нянчила, другого. (Туда же вернулся, в Тельман?) Да, в Тельман, да, в семью пришел, да. То это ему солнце засветило, вот она. Вот такие люди были, видите. Кто как, вот он остался. (А помните, как вы выбирали старост и полицаев?) Как выбирали мы? (Да). Ну, просто ж люди усе это собираются, школа, собрание. У нас школа была, там света не было, а школа, большая школа была, четыре класса там было, все собираются, вот. Ну, кого? Ну, кого, вот того, того-то там, ну, вот, Филинка. Мы же людей знали, выбирали, все. Ну, хорошо, вот она. И до свиданья! А с Раздольного приезжали сюда, вот она. Эээ, начальство наведывались, как вы тут, что, что вы делаете.

46:00

Они приезжали, наведывались, спрашивали, все. Приезжают, посмотрят, узнают, потом. Ну, редко они приезжали. Тут еще начальство свое. (А у вас в Тельмане войска немецкие или чехословацкие стояли?)

Стояли и немецкие, и чехословацкие. (Именно в деревне вашей?) Именно в нашей деревне. Даже в нас на квартире стояли чехословаки, но чехословаки хорошие, очень хорошие были чехословаки, вот она. Эээ, мы им стирали, вот она. Мыло какое-то такое, как глина, вот она. Одна комната была, это, и кухня, мы им отдали, и они там вот это находились. Стирали, гладили им все, вот она, словакам. А то потом они, после вообще словаки хорошие, они плохого ничего не делали, не вредили никому, вот она. Я помню даже, вареники мама: «Ну, давайте будем вареники лепить, ну, давайте покормим людей, все-таки они там, солдатская пища, котелок там».

47:00

То, что давали, вот она, то мы ж дурочки с сестрою насыпали соли в вареники, дурные, это ж надо было? (Соли, да?) Соли, ха-ха. Вот взрослые, что утворили, вот дурные, соли насыпали, будем считать. Мать сварила вареники, поставила, а мы наблюдаем, кто же, кому с солью попадет. Думаю, а если Ясу попадет, то попадет нам. Никто ничего, съели. Молчал, никто ничего, молчали все, ха-ха. Пошло дело с солью, никто ничего. Проглотили, молчать. А то однажды у войну, значить, вот это ж, что казаки наши русские, они, этот, пошли у немцам, предатели, русские казаки. Приезжают к нам в деревню вечером. Папахи такие черные, этот, на лошадях, вечером приезжают.

48:00

А я как раз с сестрою, эээ, пряли мы этот, веретено, такое крылышко, и пряли, сестра и я пряла, и мама, тут у спальни сидим, вот она, когда он как залетает. Я тогда что, я быстро убежала, потому что ведь они очень, говорят, обижали молодых девушек, изнасиловали, забирали с собой за них, они ж предатели, русские пошли к немцам служить, представляете? Русские! Боже мой! Я тогда быстро раз исчезла, и на горище спряталась, на горище. Ну, он меня усек, он же видел меня, Лена осталась, сестра, а я убежала. Он: «А кто это такая? А где она? Почему, почему она, может, это шпион? Почему она

так ушла? Значит, сейчас же найдите, кто она». Они: «Да это она замужем, - говорит, - у нее ребенок, не надо, все». А я-то не замужем, вот она.

49:00

«Сейчас, чтоб она, вот граната, - положил гранату, взрывчатка маленькая такая, такая кругленькая, на окно, - если она здесь не будет, вот это взрываю ваш весь дом!» Боже мой! Мать плачет, отец тоже переживает, вот она. Отец тогда видит, что говорит: «Слезь сейчас же!» Он давай тогда по соседних искать, куда она делась, они ж не знают, куда я делась. Ну, отец когда зашел в конюшню, он увидел. Там сено было, я на горище вылезла, и сено свалила, он понял, где я. «Сейчас же слезь! Нам покоя не дают! Положил взрывчатку на окно, если она здесь не будет, то я сорву вас всех сейчас же!» И мать говорит. Ну, думаю, что мне оставалось делать, думаю, действительно, может взорвать. Думаю, ладно. А мать... этот, они сказали, что я замужем, значит, что у меня ребенок, вот этот, где самый меньший брат, 40го года, мать родила его, вот она. Мать: «Да завяжи свои кучери!» А у меня волос свой, природный, я не крутила их.

50:00

У мамы тоже красиво, все думали, что завивка, красиво. Злая: «Спрячь свои кучери! Выставила кучери!» Ха-ха. Прихожу, ну куда деваться? Жалко, сорвет. «А, вот это она. Так, ну, кто это такой?» - спрашивает брата маленького. - «Это Валя». - «Это мама твоя?» - на мальчика, на братика. - «Нет, это не мама, вот мама, вот папа, - ха-ха, - это Валя». Ха-ха, понятно? «Это Валя, а мама вот моя», - говорил, щас он покойный, нет, с 40го года он. «Это Валя, а мама вот». Думаю, ну, что ты? Понял, что брешут. «Ну, ладно, я у вас останусь на квартире». От, думаю, она, еще лучше, все. А что скажешь? Не стала. Не оставайся? «Я останусь на квартире, буду на квартире у вас». Ну, когда начальнику сообщили, то ему давали за это.

51:00

Начальник, он же всю деревню поднял, он искал меня и положил гранату, хотел сорвать. То начальнику донесли, а начальник тоже тут у нас у

деревне стоял. (Тоже русский казак?) Да. А потом отец, уже когда по-хорошему, они ездили партизан ловили. Партизанов в Портовом боялися, что с моря выйдут десант партизан, десант партизанов, десант, они ждали, помимо солдат. «В два часа, отец, ты разбуди меня, и я на десант». Он говорит: «Зачем ты так сделал? Ты же русский!» (Отец говорил?) Да, отец ему говорил: «Я по-простому тогда: зачем? Ты же русский, зачем ты предал? А что дальше будет? Что будет дальше? Зачем ты так? Служил в армии, а потом перешел до немцев, русский». До 914го года, до 14го семья... «Да вот, там плохо». – «А тут шо, тебе лучше? Ну, хорошо, ну, щас, а война окончиться?» Вот она. «Да, вот мы щас ждем, это, оттудова, значит, десанта с моря.

52:00

В два часа идет. Я буду у вас на квартире». Ну, на квартире, и что вы думаете? Думаю, ну это еще лучше мне, на квартире, думаю, теперь что? И я, знаете, ушла с дому. Куда мне, значит, деться? Я тогда ушла у Раздольное, одета спала, боялася, окно открыла, вот она. У нас окно открывалось, думаю, в случае, будет лезть, я тогда в окно, и буду... Одета спала, я боялася, одетая. Ну, конец-то должен быть. Он остался у нас на квартире, шо мне делать теперь? Это же каждый день надо ночью спать, труситься, бояться, вот она. Тогда я говорю: «Мама, я уйду». Мама говорит: «Ну, тогда иди до Жени в Раздольное, пока они въедут, иди, - говорит, - туда, побудешь там, у Раздольном. Потом мы сообщим, когда они въедут». Вот она, и я так и сделала. Его дома не было, я собралась, пришла, и я жила в этой Жене, пока они не ушли. Потом брат приехал мой, Жора, с 30го года он, вот она, говорит: «Все, - говорит, - ты свободна. Можешь, - говорит, - приходиться». Уехали, вот так было. (Это в какое время было?

53:00

Может быть, Вы помните год и время года, когда Вы здесь жили, у Жени?) Представьте, что я год не помню, какое было, только помню, что было холодно, потому шо я одетая была, одетая, и на ногах теплое, одежда

была теплая, а не помню. (Но это год, далеко еще было до конца войны?) Конечно. (Еще далеко, да?) Да, далеко очень до войны было. Ну, война же, видите, шла, потом продолжалась еще. (А что здесь, в Раздольном, было во время войны, вот, что видели? Здесь стояли?) Тоже стояли, так же само стояли, как и у нас. (Тоже, да?) По квартирах, да, стояли. Я ж говорю, мы в Раздольном мало, это я так только, у Жени ночевала, когда брат пришел и все: «Свободная, приходи». Вот она такое. (А какие формы были у солдат?) Солдат? Обыкновенная гимнастерка, зеленая, вот она, и галифе, сапоги были, а то и обмотки были, в кого обмотки, в кого сапоги, вот она, и пилоточки. Вот это такая форма у них была.

54:00

(Это у немцев или румын, чехословаков?) Это у русских, а у немцев, немцы одеты были хорошо, немцы... У немцев шинели с сукна, хорошие сапоги, рукавицы, шапки теплые. Немцы одетые солдаты были очень хорошо. Румыны – это задрипанные цыгане. Ха-ха. Длинная на них, вот она, шинель, задрипанные, грязные цыгане, вот она, воровали. А немцы – культурный народ, очень культурный. Одеты они были, белье очень хорошее. Почему мы знаем белье? Когда они отступали, они все-все свое побросали, вещи и белье там, и шинель, и велисапеды, вот так на кучу, уже они отступали. Вот-вот уже наши, русские, все, взяли уже Перекоп, они отступали, они кидали, то люди брали. Они подпалили, кто мог хватать это с этого, горит, горит, а я тоже подбежала. Мать говорит: «Не ходите!» Пугает, куда там?

55:00

Побежали! Оно горит, а мы хватаем. То там действительно белье было такое с начесом, новое, хорошее белье, и с немецкой упаковкой, так в упаковках было все, вот она. И то там были, и водка была, они ж водку, шнапс пили, они идут в бой, они пить водку, шнапс там они называли. Это водка у них или шнапс, вот она. И фотокарточки были ихние, в сумке ж-то фотокарточки семейные, дома там такие большие, все. И вот это все белье,

оно такое с начесом, хорошее, дорогое белье, новое, в пакетах, неношеное белье, вот она. И она... и там и взрывается. Одна баба так что-то делала, потом руку – оторвало ей. Мать ругала меня: «Та зачем оно надо тебе?» Шоб я раньше послушалась? А? Куда! Побежала, давай, нахватала как дурочка, побежала, то принесла. «Оно тебе надо? К черту! Ты ж видишь, что руки оторвало женщине, могло, - говорит, - убить тебя». Они сразу и гранаты, усе кидали, и взрывчатки, и усе. Горит, трещит, рвет все. Ну, кто, шо успел, то схватил. Вот это такое дело было.

56:00

(А здесь в Раздольном тоже евреев преследовали, не знаете?) А как же? Кругом, конечно! Выслали тоже евреев. (Отсюда выслали?) Цыган даже выслали, цыганка. (Цыган? А что за цыгане?) Цыган? Обыкновенные цыгане, обыкновенные цыгане. У нас у Раздольном жила цыганка, вы знаете, семья цыган. Так, слушайте, и я, когда дружила с Женей, с подружкой, я всегда ходила через ихний двор, земляночка маленькая такая, и одна цыганка такая симпатичная, здоровая, крепкая, красивая цыганка, вот она. И эту у войну цыганку выслали в Германию. И она там познакомилась, вот у меня сосед с Ак-Шейха через дом, он уже умер, нету его, она же знала его, с одной деревни они, вот она, цыганка эта. И они там повстречались, шо-то у него случилось с ногой, шо-то там, вот она, не знаю, уже работали в Германии, посылали, вот она. И она его спасла, и он на ней женился.

57:00

Когда кончилась война, он привозит эту цыганку домой. Кончилась война, она уже беременная была. То родители сказали: «Нет и все, нам не надо цыганка». Нет, и все, вот она. Дали ей денег, и эта цыганка, беременная, ехала в Евпаторию. Куда она делась, не знаю. Это было. Он тоже такой смуглый, они похожи. Так жена, щас он умер, и нет, а жена еще живая, через дом, вот она, щас жива эта Надя, тоже старый житель. Она тоже должна знать усе. Так она, как рассердится, говорит: «Цыган ты, цыган!» Как рассердится – цыган! Первая жена-то цыганка была. И родители сказали, ни в какую:

«Вот, все, не надо нам твоя цыганка!» Дали ей денег, и она въехала беременна. Сделала аборт, родила она, не слышала. И он тогда взял другую, русскую, вот она, бабушка эта, Надя живая, а его уже нету, этого Жихаря Шуры. Родители не захотели. (А эту цыганку отсюда выслали в Германию?)

58:00

Отсюда, да, в Раздольном она жила. Семья цыганская, жила семья, и я ж говорю, через их двор ходила к своей подружке, через их двор. Маленькая такая землянушка, грязная, ну, такая, как у цыган. А она симпатичная такая, крепкая, здоровая, чернявая, я знаю, молодая. Ну, вот, они там ото повстречались, с одной же деревни, вот она, и она... шо-то ж с ногой, и она его... Говорит: «Она меня спасла, она спасла!» Шо там случилось с ногой, я не знаю, она его спасла. И он ото решил жениться на ней, пообещал и приехал, но не знаю, он сам виноват. Могли бы пойти куда, или на квартиру, или шо. Ну, война, тогда не знаю, и братья, и все против, зачем тебе цыганка? Не надо, вот она. Дали денег, и она в Евпаторию уехала. (А как она одевалась, эта цыганка? Как все или что-то особенное было в ее одежде?) Вообще, просто она одевалась, не по-цыгански. По-русски, да. То маичка на ней, то юбочка такая ото, блузочка такая. По-цыгански не носила она форму цыганскую, вот как носят форму цыганскую, видели в кино, там юбки длинные, там, рясные, там то. Нет, обыкновенно. Она жила между русскими, и вот она так и одевалась.

59:00

Бедненько, конечно, ну, война, то есть бедно тогда вообще, и до войны люди жили бедно тогда, вот она, все дорого было. И тогда материи было трудно достать, тогда очередь были такие, шоб достать материи, надо очередь, шоб ситцу того несчастного достать. Трудно было до войны, не знаю, когда отстоишь у очереди, то жили не ахти, вот она. Так, там продукты, все, там все можно, а вот насчет вот ситца чтоб достать, материал, очередь были сильно большие. (И что рассказывали, вот, о гибели евреев здесь, в Раздольном?) Вот это я не знаю. Шо, эээ, их повысылали, вот она, а де они,

что. Вот это я только знаю, шо вот этого мальчика. Откуда он, тоже я не знаю, где он жил, вот этот мальчик, еврей. Ну, тут, знаете, мало было евреев. (Мало?) Мало, совсем мало было. Вот токо, шо вчилися, то Роза, евреечка она, а то... А так тут мало евреев. Татары отдельно жили.

1:00:00

Деревня, в которой мы ж снимали, я говорила, лес, и возили, работали. Татары отдельно жили, а тут мало было евреев, я даже не помню, у нас были-то. Цыганка, это я знаю, потому шо я ее видела сама, знаю, то это через двор даже ходила. Семья была, бедно жили так, хатка маленькая, грязно кругом. Ну, такая, пораскидано, там бумага, там тряпки. (А вот это вот была у Вас Роза в общежитии, еврейка, что с ней стало?) Выслали их, евреев, я ж не знаю. (А, выслали? А кто выслал?) Ну, кто высылал? Этот, высылали, вот она, шоб евреев тут не было, вот она. И то, по-моему, они сами въехали, потому шо, когда перед войною, вот, они делали облаву на евреев, стреляли. (Кто?) Немцы, что-то не любили евреев. (Да?) Да. Немцы, конечно, русские ж не будут стрелять евреев, они же их выслали, они уничтожали страшно, семьями.

1:01:00

Убивали так в Евпатории, там это просто, и русские там еще десант был, эээ. Ров такой, и стреляли. Поставили в ряд, и так усе, русские, евреи, там усе падали, потом позарывали их. И там живые некоторые повылазили, остались живые. А там этот ров, это отак, говорит, дышал. Да, это такое было. Поставили всех немцы, выслали всех людей, это десант как раз напал, немцы, вот она, и они все, значит, евпаторийских. Почему я знаю, потому шо у нас в Евпатории там, эээ, моя знакомая, тоже ее Галя звали, я с ней дружила. Жили мы в Евпатории, мы жили в Евпатории тоже, отец работал там, а я с ней дружила в Евпатории, с этой Галей, вот она. У ней дом, отец ей построил, в доме, а мы наняли квартиру, в гостинке жили. И потом, значит, что, облава была, они рушили всех, немцы, всех погоняли, ров такой большой, окопы ж тогда, в войну окопы такие скребли.

1:02:00

Окопы-то много. У нас во дворе тоже был окоп вот здесь. Это когда мы строились, засыпали все время, он садился, окоп. Окопы все порытые, потом, у нас уже закончилась война, мы ходили, зарывали, нас заставляли зарывать эти окопы, засыпать лопатами. (Окопы, да?) Да, каждый день мы ходили за это... весь... Все поле было перерыто, все, ров, это ж война шла, и они прятались в окопы, немцы, немцы и русские. Окопы надо обязательно, когда уже кончилась война, тогда ж давай мы лопаты, и каждый день мы эти окопы зарывали лопатами. Тогда ж не было ни тракторов, ничего, вручную все работали, вот она. То это Галя рассказывала, у нее знакомая, уже после, вот, и отец ей рассказывал, выслали... Выгнали всех этих евпаторийский евреев, ров такой большой, поставили, и та-та-та, и все туда, зарыли. То некоторые живые пооставались, некоторые. Не всех, конечно, могли пострелять, вот она. А эти живые повылазили, это ужас какой! Представляете, там кровящие скоко!

1:03:00

Там этот окоп весь отак вот, говорит, дышал. Я-то не видела, но шо рассказывали, то вот такое было. (Это из-за того, что там живые пооставались люди?) Да, живые пооставались, да, живые. И это из-за того, что окоп, там много живых пооставалось. Они ж не всех та-та-та-та-та, а кто живой, это... А потом они зарыли, а там ото отак ров отот дышал. Ну, повылазили некоторые, повылазили живые, повезло, не всех они построчили. Проминули или, може, они строчили, а, может, он нарочно впав. Знаете, может, он, не дошло до него, раз, упал, и все. Есть и так делали, вот она. Все, вроде построчили, он живой упал, и все, а потом... И так делали, когда уже то сообразил, понимаете? Вот такое дело было. (Почему так, не говорили люди, почему так евреев убивают?) Почему немцы так не очень любили евреев? (Да). Не знаю, почему не любили, мы их не спрашивали. Хотя вроде бы... Ну, не знаю, вот, говорили, шо Иисуса Христа они предали. Наверно, за это. Вот теперь пришла расплата.

1:04:00

Вот за это. Так, вот она, наверное. Они ж предали, это ж евреи распяли, вот она, и теперь пришла им расплата. Вот поэтому они его убили, а немцы, они очень набожные. У них ремень, и на ремне «С нами Бог», на пряжке. Пряжка такая большая, пряжка, вот здесь на ремне «С нами Бог». Они очень культурные, вежливые. Немцы одетые были с ног до головы, не то, шо, знаете, бедные солдатики в обмотках и в пилюточках, армия солдат, а очень даже одетые, обутые, и такие сурьезные. Они приезжали было в деревню, часто приезжают сюда: «Яичко есть?» Яичко покупали, яичко. «О, яйца есть, яичко давайте продавайте». Не грабили, не воровали, не, не трогали, это нельзя сказать, не грех давать. А румыны, то придет, прибежал раз румын, зашел к нам днем.

1:05:00

Отот тот чехословак забрал гитару, а этот заходит, а мать только хлеб спекла. А раньше еще такие полочки были, мать на полочки хлеб поставила, буханочки такие хорошие, и ширмочкой закрыла. Он приходит, раз, раз, раз. Мать: «Шо ты ищешь?» - «Партизан, я ищу партизан». Партизан! Партизан будет на полках прятаться? «Партизан!» Мама: «Шо ты, шо ты хочешь? Чё ты ищешь?» - «Партизан!» О, мама тогда булку раз: «На!» - «Э, здравствуй!» Место спасибо – здравствуй. Побегал, цыган. Вот такая, цыган забрал булку хлеба, вот она. «Здравствуй!» Говорю: «До свиданья!» Мать говорит, все, взял булку и пошел. А тоже, барашек этот. Оставили мы барашек, закрыли. Тогда, ну, куда? Наши ж овцы были, и индюки были, все ж было у войну. Хочешь для себя, хочешь оставить немножко. У нас, значит, были времянка, вот это, времянка, там возле времянки еще двери прибитые, а там подвал. Подвал был пристроенный к времянке, поняли? Вот она, было.

1:06:00

А отец туда, значит, спрятал барашек. Если шо, останется, для себя ж тоже надо жить чем-то, вот она. И сделали так ширму, закрыли, все, вроде, не видно. Шо думаете? Ночью покрали. Забрали! Забрали этот барашек, как они

узнали туда, не знаю, вот она. Забрали, оставили худую-худую такую барашку, ту не взяли из ягненком, а то забрали. Индюков спрятал отец, сделал окоп такой, просто в земле прорыл окоп, туда индюков, вот она, два или три уже для себя. Ну, ты скажи! Покрали индюков! Воровали страшно! Вот в Портовом тут жили, вот это, румыны несчастные, румыны. Чехословаки не воровали, а румыны все бегали, воровали. Вот, то коров забирали, телят грабили. Это еще ночью облава ото, у людей забирали и свиней, забирали и, этот, вещи забирали, и я говорю, вот то нас ограбили, позабирали, и потифон забрали, и машинку забрали стиральную, все-все забирали. У кого что, у кого муку заберут, у кого поросенка.

1:07:00

Специально облава ночью. А что им скажешь? С наганом, вот она, эээ, отец стал ото не давать, так он его отдубасил, раз ударил, еще раз ударил. Ну, шо ты? Он вооруженный, с ним опасно связываться. Тоже раз курей. Смотрим, собачка гавкает и гавкает, шо такое? Смотрю, лезет до курятника, да, вот сюда, да. Пробирается ночью до курятника, ну, за курами. Тогда мы что? Быстренько, вот она, он там залег туда. «Быстро, отец, - говорю, - пошли быстренько!» И мы тех курей позабирали, взяли в времянку себе. Летают! Курей, свет потушили. Ну, куда их денешь, тех курей? Заберут, если мы не заберем сюда, в времянку с нами, вот она. Времянка, то кухня большая у нас дома был, уже не времянка, а в кухню забрали, тут и мы. Туда в времянку они залезут, заберут, а сюда в дом мы уже закрывались, туда они в дом уже не залезут. (То есть, они воровали? Им нельзя было брать, а если украл, то...)

1:08:00

Это все да, то они уже в дом не залезут. А мы взяли еще сюда, в дом, этих курей, летают куры. Перелетит, свет потух, они летают. Ну, что? А то без курей останемся, то хоч яичко сварим. (Ну, да, да). То это такое дело. И курей уже держали, не знали, куда деться нам. Вот так. (Спасибо, спасибо большое. Как-то так нам, спасибо, хорошо, подробно рассказали).